

Е.И. ГОЛОВАНОВА

*(Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕПОРОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (об изменении модальности письменных текстов)

Аннотация: В статье анализируются проявления субъективной модальности в современном научном дискурсе. В центре внимания автора находятся два характерных для письменных текстов феномена – интимизация и эго-дискурсивность. Предлагается обоснование расматриваемых изменений в научной коммуникации.

Ключевые слова: научная коммуникация, субъективная модальность, личностный дискурс, персональный нарратив, эго-дискурсивность.

Одним из характерных признаков научного стиля изложения является стремление к объективности. На грамматическом уровне это подчеркивается использованием безличных и страдательных конструкций (*принято считать, установлено, думается*), форм множественного числа личного и притяжательного местоимений (*нам представляется, мы предлагаем, нами разработана, в нашем исследовании, на наш взгляд* и т.д.).

Между тем в последние десятилетия все чаще в научной академической коммуникации встречаются грамматические формы первого лица единственного числа, а также случаи использования исследователями примеров из личного опыта, не связанного с профессиональной деятельностью, и даже фактов частной жизни авторов. Такого рода отступления от канонического, академического стиля научной статьи мы назвали интимизацией речи [Голованова 2007].

С одной стороны, феномен интимизации может быть рассмотрен как проявление закона культурного развития, предполагающего три грани социализации личности (по А.Г. Асмолову): грань индивидуализации, грань интимизации, «отражающую переход от «мы» к «я» или проблему самосознания личности», и грань интериоризации как производство внут-

ренного плана самосознания¹² [Асмолов 2001]. В таком случае замена регулярных в научном языке конструкций типа «мы считаем», «по нашему мнению», «на наш взгляд», «как нами установлено» и других конструкциями от первого лица: «я считаю», «по моему мнению», «на мой взгляд» и проч. означает этап самоопределения, самосознания личности ученого, понимание им уникальности собственной персоны. Отнюдь не случайно, что указанные стилистические особенности присущи текстам уже состоявшихся ученых, получивших признание научного сообщества.

С другой стороны, интимизация может рассматриваться как отражение общей тенденции «раскрепощения» литературного языка, особенно ярко проявившей себя в языке средств массовой информации. Стремление носителей языка к отказу от официальных или нейтральных средств выражения, усиление личностного начала в речи – так или иначе повлияло даже на «закрытые» сферы, какими являются сугубо книжные стили литературного языка – официально-деловой и научный. Так, например, в текстах официально-деловой переписки за последние десятилетия вошли в норму, стали регулярными обращения к адресату по имени-отчеству («Уважаемый Андрей Юрьевич!»), заключительные этикетные конструкции «с уважением», «с уважением и надеждой на продолжение сотрудничества» и проч., которые изменили общую тональность делового письма.

В научной коммуникации проявления субъективной модальности чаще всего обнаруживаются в текстах статей, опубликованных в юбилейных сборниках. В таких собраниях нередко *посвящения*: «В память о спецкурсе, прочитанном А.М. Чепасовой в мои студенческие годы», «Лидии Андреевне Глинкиной – к юбилею с глубоким уважением», «Дорогой Лидии Андреевне с пожеланием доброго здоровья и успехов во всем» или даже целые развернутые тексты-*предисловия*.

¹² Последняя грань социализации личности применительно к объекту нашего исследования может быть ярко проиллюстрирована на примере посвящений к монографиям, словарям и учебным пособиям. Подробнее см.: [Голованова 2009].

Как правило, подобного рода затекстовые (или внутритекстовые) фрагменты отделены от основного текста статьи композиционно и выделены другим шрифтом (чаще – курсивом). Так, например, в статье профессора Псковского государственного педагогического университета Л.Я. Костючук после заголовка «Словарь, которого мы ждали и ждем» читаем: «Вместо предисловия. С благодарностью приняла приглашение участвовать в сборнике в честь Лидии Андреевны Глинкиной, с которой нас связывают многолетнее знакомство, дружба, общие интересы, занятия историей слова... Представляю только что вышедший выпуск нового Словаря, создаваемого в традициях Ларинской школы... Знаю, что это заинтересует Лидию Андреевну» [Костючук 2005: 287].

В другом юбилейном сборнике, посвященном профессору А.М. Чепасовой, болгарская исследовательница Стефка Георгиева также находит нужным расширить текстовое пространство своей статьи «К вопросу о фразеологизмах, связанных с эмоциями (на материале русского и болгарского языков)» за счет личностного монолога, адресованного юбиляру и его коллегам: «Имя Антонины Михайловны Чепасовой мне знакомо давно – по интересным научным работам, по рассказам ее учеников и коллег. К сожалению, мне не посчастливилось встретиться с ней! Этому мешали в основном огромные расстояния, которые нас разделяют. Однако для меня она очень близкий человек, интересный ученый, талантливый педагог (я не встречалась с ее учениками, которые бы отзывались о ней хотя бы сдержанно!). Бывает же так: ты не знаком лично с человеком, а его искренне уважаешь и ценишь. Может быть, и потому, что она воспитала армию талантливых учеников, с которыми мне посчастливилось общаться! У меня сложилось впечатление, что это очень энергичный, остроумный, доброжелательный, эмоциональный человек, поэтому и я выбрала тему, связанную с полем эмоций» [Георгиева 2006: 149].

Тональность последующего текста может быть абсолютно нейтральной. Но иногда особая эмоциональность сохраняется на протяжении всей статьи. Так, например, статья Е.А. Земской «К вопросу о категории вежливости» начинается с небольшого, но проникнутого чувствами авторского предисловия: «Нас связыв-

вает с Лидией Андреевной Глинкиной давнее знакомство, перешедшее со временем в дружбу. Лидия Андреевна – редкий человек. Преданность науке, широта интересов, умение войти в разнообразную проблематику придают ее личности особое значение. За многие годы знакомства мы не утратили интереса друг к другу, и мне особенно приятно быть участником этого юбилейного сборника. Хочу особо подчеркнуть такие качества Лидии Андреевны, как доброта, способность помогать людям и поддерживать их в трудные периоды их жизни» [Земская 2005: 321].

Дальнейший текст статьи написан собственно научным стилем, но с включением фрагментов «персонального нарратива»: «Вот недавний пример. После доклада коллеги и знакомые пьют чай. На столе стоит сладкое (печенье, конфеты), чашки с чаем, а салфетки лежат на подоконнике за спиной одного из гостей. Одна из дам говорит: – *Володя! Салфетки у Вас за спиной.* Он отвечает: *Ну и что?* – *Не могли бы Вы их положить на стол?* Ответ: *А зачем?* Дама: *Руки вытирать.* Ответ: *Ну так бы и сказали, по-простому: дай салфетки. Чего крутить-то»* [Там же: 322]. Далее в тексте дважды приводятся примеры из частной жизни ученого: «Расскажу один случай. Я ехала из Праги в Брно на поезде и на вокзале меня встречал коллега с криком: *Rani-Professorka Zemská!..*», «У меня был спор с чешской лингвисткой, которая считает, что русские женщины, позволяющие себя называть нейтральными словами мужского рода, тем самым унижают себя. Нам не удалось убедить друг друга...» [Там же: 323]. Не вполне академический характер статьи подчеркивает также наличие форм «я считаю», «на мой взгляд» наряду с нейтральными «было замечено», «если мы обратимся к недавней истории» и др.

Эпиграфы – еще один способ интимизации текста научной работы. Особенно если они содержат указание на реальную дату коммуникативного события: «*”Литературный язык – это вымершая форма языка”.* Из ответа на экзамене по “Введению в языкознание”, 2005 год».

Речевое оформление заголовка также может служить показателем нестандартного стилистического решения всего текста статьи. Например, приведенный выше эпиграф взят нами из статьи М.Э. Рут, озаглавленной «Разве он уже не живой? Еще раз

про литературный язык» [Рут 2005]¹³. Статья представляет собой сложное сочетание собственно-научного стиля изложения («под стандартным языком понимается...», «в предложенной концепции содержится...», «обратимся к одному из авторитетных источников», «предложенные параметры...», «обращает на себя внимание, что...» и под.) и включений диалогического («Кстати, трудно удержаться от реплики...», «...в уже не раз упомянутом словаре планируется найти место для общего (? – М.Р.), профессиональных, молодежного, уголовного жаргонов...»; «Может быть, потому что в окрестностях Москвы уже не осталось носителей диалектов?»), оценочного («...в деятельности Пушкина, блестяще соединившего ориентацию на разговорность с основной характеристикой языка литературного...»; «блистательное собрание образцов народной вербализации понятий» – о словаре В.И. Даля; «бережная и восхищенная любовь к народному слову... сменилась родом брезгливого представления о неких «дублетах к словам стандартного языка» и др.) и экспрессивного характера («Русскому человеку предоставлена возможность писать «как говорится» – это новое наслаждение...»; о литературном языке: «Он не механическая игрушка в саду императора, а прирученная певчая птица, чьи песни помогают нам жить, но чья жизнь в наших руках»).

Особый интерес представляют использованные в данной статье факты личных наблюдений автора: «Как в недавней популярной рекламе: попробовал доцент (или профессор) чипсы и разразился бессвязным потоком жаргонизмов. Тут и студентка среагировала: «А Вы клёвый!». А он в ответ (удивительно кстати!): «Сам тащусь!» Что ни говори – поразительный пример интеллектуальной деятельности. И очень экспрессивно! Очевидно,

¹³ Примеров заголовков, отступающих от академической традиции, можно привести немало. Так, в юбилейном сборнике в честь профессора В.М. Мокиенко «Грани слова» (М., 2005) помещена статья Т.Г. Никитиной под названием «Приколы нашего словообразования», в сборнике «Лики языка» (М. 1998), посвященном 45-летию научной деятельности Е.А. Земской, представлено экспериментальное исследование О.П. Ермаковой «Речевой портрет собаки», а в сборнике к 50-летию Х. Вальтера «Слово в словаре и дискурсе» (М., 2006) содержится статья В.В. Химики «"Автомобиль не роскошь, а средство..." вторичной номинации» – об «автомобильно-водительской» метафоре в языке.

именно такой язык является по-настоящему живым» [Рут 2005: 130]. Язык статьи, богатый и разнообразный, дает представление о неординарной личности автора – ироничного лингвиста-исследователя, тонко чувствующего слово.

Судя по нашим наблюдениям, чаще всего «личный текст» представлен в начале научного сочинения. Однако могут быть исключения. Так, например, статья венгерского лингвиста Андраша Золтана «Древнерусское слово *корочунъ* и русский фразеологизм *карачун ему пришел*», помещенная в юбилейном сборнике В.М. Мокиенко, имеет нетипичное завершение: «Заканчивая наш обзор разных точек зрения на происхождение зловещих русских фразеологизмов с опорным словом *карачун*, нам хотелось бы пожелать нашему Юбиляру крепкого здоровья и долгой жизни – чтобы ему *никогда не пришел карачун*» [Золтан 2005: 80].

Другой венгерский исследователь Олег Федосов использует прием диалогичности, по складывающейся традиции, в начале статьи, однако без всякого графического позиционирования: «В настоящей статье нам хотелось бы продолжить разговор, начатый Г.А. Лилич и Д.М. Поцепня в материале «Скучать по-русски («скука смертная...»)» в предыдущем юбилейном сборнике «Слово во времени и пространстве» (2000), посвященном В.М. Мокиенко, ученому, для которого само состояние скуки – неприемлемо. Автор же данных заметок о чешской скуке надеется, что не заставит многоуважаемого Юбиляра скучать (*nudit*) и над этими строками» [Федосов 2005].

Сборник материалов международной научной конференции «Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс» открывает статья профессора Лодзинского университета Анджея де Лазари «"Советскость" и "русскость" в польской культурной запрограммированности». Для стилистического оформления данной статьи характерно использование различных приемов и средств интимизации научного диалога. Симптоматично начало статьи: «Я исхожу из того, что любой коллектив – в том числе «нация» – вторичен по отношению к личности». Далее автор обращается к частному случаю из своей жизни: «... несколько дней тому назад, наводя порядок в фото-снимках, моя жена воскликнула: «Смотри, это ведь Кася»» (Ка-

ся/Катя – это наша дочь, снимок же был 80-х гг. XIX века). Через несколько минут слышу: «Ведь это Аня» (Аня – моя двоюродная сестра, а на снимке опять был кто-то из живших в конце XIX века). Гены! Передаваемые очередным поколениям. Благодаря им мы становимся бессмертными. Они нас «программируют». Еще забавнее было то, что «Касю» из снимка 80-х гг. XIX века звали Екатерина. Она была русской девушкой из семьи итальянско-греческого происхождения. Ее гены «отразились» в моем ребенке, но «отразилась» ли в нем ее «русскость»? Решительно нет, так как культура генами не наследуется. Мою Касю/Катю, кроме генов, «запрограммировала» другая культура, так как она выросла в другом доме, на другом дворе, посещала другую школу, другие уроки Закона Божьего, читала другие учебники по истории, другие книги и журналы, посещала другие театры и концерты...» [Лазари де 2005: 4]

В этом же сборнике материалов помещена статья профессора Л.А. Шкатовой «Письма из Польши: дружеский текст в межкультурной коммуникации» [Шкатова 2005], в центре внимания которой находится необычный материал – «почти пятидесятилетняя переписка» близких друзей, польки из Катовиц и россиянки из Челябинска. Читатель догадывается, что один из коммуникантов – сам автор статьи, поэтому приведенные тексты, очень личного характера (*Дорогая Людмила! Любимое Люсьенко! Целую крепко Тебе, поздравляю Твоих близких* и под.), создают в рамках строго научного исследования особую атмосферу – доверительности и эмоциональности.

Осознание участниками научной коммуникации ценности индивидуального опыта и повышенный интерес к собственному «я» проявились и в таком новом дискурсивном формате, как эго-дискурс. Первые отрефлексированные опыты эго-дискурсивной деятельности связаны с исторической наукой. В качестве примера можно привести книгу челябинского историка И.В. Нарского «Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство». В предисловии к книге автор пытается осмыслить предложенный им жанр: «Может ли, например, исследователь интервьюировать близких родственников, использовать историю собственной семьи в качестве основы для изучения общих проблем семейной истории,

выступать не только в качестве субъекта, но и объекта аналитических процедур, комбинировать факты с вымыслом семейных преданий и авторских фантазий? Все эти вопросы остаются открытыми, и ответы на них, данные в этой книге, лежат на моей совести. Вопросы, поднимаемые в этой книге, казалось бы, требуют сухого академизма и предельного соответствия процедуре «научности». Однако, несмотря на авторство историка-профессионала, это не научная монография в строгом смысле слова, а скорее исследовательско-беллетристический эксперимент, результатом которого явилось причудливое сплетение автобиографических, справочных и исследовательских эссе, выстроенных в определенные сюжетные линии. Проводя своего рода семейное расследование на основе фамильных фотографий, устных рассказов, домашних архивов и собственных воспоминаний, автор создает свой особенный и личный «фототекст», объединивший в себе черты не только автобиографического эго-документа, но и «места памяти» – мира, в котором, несмотря на всю невозможность восполнить чувство утраты фотографией или текстом, живут и будут продолжать жить дорогие и важные для него люди» [Нарский 2008].

Обращение к автобиографическим фактам и личным ощущениям в последние годы стало довольно распространенным и в лингвистической среде. При этом события личной, частной жизни автора реконструируются всегда под определенным углом зрения и предполагают наличие не только «внешней», но и «внутренней», исследовательской перспективы.

Один из ярких примеров – статья доктора филологических наук, профессора Г.Д. Ахметовой «Отзвуки войны в жизни и в книгах: повесть А. Рекемчука «Железное поле» в иноязычной аудитории». Как видим, название статьи вполне согласуется с требованиями научного стиля и призвано точно отразить ее содержание. Между тем в самом тексте статьи от рассуждений о реалистической основе повести А. Рекемчука и ее преломлении в художественном произведении автор неожиданно переходит к размышлениям о судьбе своих собственных родственников (выделения курсивом наши. – Е.Г.): «Самой страшной, самой памятной была битва под Сталинградом, в которой принял участие и *мой дед* – Николай Алексеевич Поволочко. Еще и потому за-

помнилась она, что совсем недалеко, в маленьком селе Успенка, остались ждать мужа и отца жена и трое детей. А среди этих детей – *моя будущая мама*» [Ахметова 2012: 88].

Далее приводятся выдержки из рукописи воспоминаний деда, а также фрагменты опубликованной книги с его участием. Завершается этот объемный фрагмент статьи комментарием: «Железное поле было и в *нашей семье*», после чего лингвист возвращается к анализу художественного текста. Однако уже через два абзаца – вновь автобиографический комментарий автора: «В *нашей семье* тоже хранится засушенный подснежник, который прислал своим детям *мой дед*». И далее продолжение: «Брат *моей бабушки* – Николай Иванович Ганьшин, пропавший без вести в 1942 году, писал письма своей дочке Нине <...> (приводится полный текст одного из писем). Нина Веденева (Ганьшина) сохранила письма отца и создала на их основе документальную повесть «Память сердца» [Там же: 90]. Заканчивается статья авторским комментарием выдержек из произведений А. Рекемчука.

В статье профессора С.А. Питиной «Наивная картина мира и семейная этимология», автор воспроизводит историю своей переписки с однофамильцем отца [Питина 2007]. Обращает на себя внимание, что эта статья, как и любое научное произведение, характеризуется логичностью, последовательностью изложения, использованием терминологии (*научная картина мира, наивная картина мира, обыденное мышление, автостереотипы* и т.п.), но при этом ее содержанием становятся факты частной жизни ученого, а именно – поиски этимологических корней фамилии, которые сопровождаются рефлексией и лингвистическими комментариями автора: «Перед Новым 2007 годом мои родители передали интереснейшее для меня письмо от московского однофамильца моего отца А.И. Дыжина. Инженер по образованию, кандидат технических наук и автор книги обо всех известных ему Дыжиных, Ю.В. Дыжин изучил все доступные ему телефонные справочники России и ближнего зарубежья, позвонил каждому и в результате нашел сведения о 200 Дыжиных. За письмом последовали звонки и телефонная переписка, обмен фотографиями, поиски общих черт <...>. Ю.В. Дыжин считает, что все обладатели довольно редкой фамилии, несомненно, являются родственниками. Кроме «официальной» версии проис-

хождения фамилии, он приводит еще несколько (больше всего ему нравится вариант о связи фамилии его прадеда с дворянской фамилией графа Ладыжин, незаконнорожденным сыном которого он был). В этимологические поиски включились сначала московские Дыжины, затем обнаруженные родственники в разных городах. Интересные судьбы, семейные саги, документальная хроника нескольких десятилетий и даже веков позволили воссоздать семейную наивную картину мира, меняющуюся параллельно изменениям историческим и лингвокультурным» [Питина 2007: 189-190].

В некоторых случаях внимание к автобиографическим фактам, к истории семьи становится элементом стиля ученого-лингвиста. Так, например, В.П. Тимофеев в целом ряде своих исследований прямо указывает на источник лингвистических размышлений и выводов – речь своей матери, Евдокии Михайловны Тимофеевой, и других родных. В качестве иллюстрации используем текст написанной им главы из коллективной монографии «Русский язык для делового общения» (Челябинск, 1996), озаглавленной «Язык деловой личности».

Начало изложения отражает общетеоретические подходы автора к анализу фактического материала и строится вполне традиционно для научной коммуникации: «Стиль не выходит за пределы системы языка, он на ней и основывается, а с точки зрения речи стиль избирателен. В официально-деловом стиле, например, не должно быть разговорно-просторечных и художественных речевых элементов, но вполне уместны элементы научной речи, поскольку официально-деловая речь стремится к абсолютно адекватному отражению жизни» [Тимофеев 1996: 164]. Стиль изложения – нейтральный, используются безличные конструкции, пассивный залог, стереотипные речевые формулы, способствующие объективной подаче языковых фактов. Например: «Чтобы конкретизировать официально-деловую речь, надо указать...», «Официально-деловой стиль речи обычно связан с...», «Любой деловой документ имеет свою форму...», «...этому должно быть посвящено специальное исследование» и т.п.

Однако когда автор переходит к изложению важнейших научных положений относительно существа проблемы – языка деловой личности – он обращается к своему личному опыту.

Представим этот фрагмент, «захватив» также предыдущий абзац – отчасти для контраста, отчасти для репрезентации его переходного характера (выделения курсивом наши. – Е. Г.):

«Личность в деловых документах наиболее полно представляется в бытовых деловых документах – в заявлении, справке, расписке и под., но и то более в грамматической форме лица: я + глагол-сказуемое. Может быть и форма «Мы», но, в данном случае, *я оставляю* то малое исключение, которое, касается стороны, коллектива, собрания и т.п. «Я» в деловом документе совпадает с автором документа. Таковыми являются, например, автобиография, доверенность, заявление, объяснительная записка и под. В таких деловых документах *закрепляется жизнь человека*.

В моем домашнем архиве сохранилось два комплекта крестьянских деловых документов по продаже домов – «без сноса» и «на слом», с печатью советской власти и подписями. Подделовому, эти обремененные подлинники никого, конечно, не интересуют, но применительно к теме, о которой я пишу, они скажут собою главное: деловые документы – это не только прерогатива высшей власти, но они гарантируют и гражданское состояние самых низших слоев населения, и те тшчатся составлять эти документы, но так и не одолевают их «заковыристых» синтаксических конструкций, несмотря на мобилизацию всей своей грамоты... Так же, если не хуже, исполняют документы и наши современники. <...> Но вот «естественные» документы:

Доверенность

Дана настоящая Тимофееву Павлину Дмитриевичу в том что я Тимофеев Георгий Дмитриевич доверяю ему продать мой дом. С надворной постройкой находящегося в с. Сладчанском Спицынского с/совета по цене его личного усмотрения К настоящей доверенности

Подписуюсь [Подпись]

20/XI-39 г.» [Тимофеев 1998: 166-168].

После слов: «Еще подлинник» – автор приводит тексты договоров купли-продажи дома в деревне Сладчанке, а также дома в деревне Мазуриной и справки, разрешающей эту продажу. Во всех документах фигурируют имена реальных родственников автора – отца, Тимофеева Павлина Дмитриевича, и сестры, Тимофеевой Татьяны Павлиновны. В дальнейшем тексте статьи

жанры делового письма: заявление, объявление, автобиография, доверенность, справка, расписка, докладная записка, характеристика – последовательно характеризуются автором без обращения к конкретным текстам, но по определенным критериям – содержательным и структурным.

Подобное обращение к личному архиву автора, на наш взгляд, отражает особенности самосознания лингвиста, для которого каждый факт его биографии становится объектом пристального лингвистического изучения.

Внимание к автобиографическим документам – письмам, запискам родных – характерно и для других работ Вячеслава Павлиновича. В частности, его книга «Фразеология диалектной личности» [Тимофеев 2003] содержит раздел «Фразы в семейной переписке», где обильно приводятся тексты из личного архива автора наряду с фотодокументами.

Ярким примером реализации эго-дискурсивности выступает статья профессора Омского государственного университета Б.И. Осипова, опубликованная в сборнике научных трудов «Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде» [Осипов 2008]. Хотя название статьи не отличается каноническим характером: «Отвечайте на тот вопрос, который вам задают (об одном несчастливом жанре делового общения)», в нем актуализированы значимые для указанного научного сборника термины и понятия *деловое общение* и *жанр*.

Начало статьи вполне вписывается в представления об академической коммуникации: «В последние годы выходит большое количество брошюр, статей и других материалов по культуре деловой речи. Есть и специальные пособия для государственных служащих. Такова, например, вышедшая несколько лет назад работа коллектива саратовских ученых под руководством проф. О.Б. Сиротининой» [Осипов 2008: 194]. Далее автор в качестве достоинства названной книги называет отмеченный в ней жанр ответов на запросы, жалобы и письма трудящихся. «Однако, – указывает исследователь, – подробный разбор требований культуры общения и культуры речи автор данного раздела Е.П. Захарова дает только для жанров индивидуальной беседы и публичного выступления». И продолжает: «Не могу сказать, чтобы жанру ответов на запросы и жалобы (или, как сокращают

в конторах, ОГ – «обращения граждан») уделялось большое внимание и в других известных мне пособиях соответствующей тематики. Между тем едва ли кому-то из моих соотечественников удалось прожить без единого обращения к властям по тому или иному вопросу нашей не слишком хорошо организованной жизни. Так что тема эта представляется не только злободневной, но и более злободневной, чем хотелось бы» [Там же]. Казалось бы, начало вполне типичное – в нем обосновывается обращение к научной проблеме. Правда, наличие языковых меток персональности, субъективно-оценочных средств и маркеров психологической напряженности не позволяет признать такое обоснование абсолютно нейтральным. Сравните: «не могу сказать», «едва ли кому-то из моих соотечественников...», «нашей не слишком хорошо организованной жизни», «более злободневной, чем хотелось бы».

Дальнейший текст развеивает все сомнения и убеждает читателя в нестандартности содержания статьи: «Начну издалека. В 1956 г. на окраине города Кургана я был задержан милиционером за то, что ...рисовал одно из зданий водопровода». Автор подробно рассказывает все последовавшие за этим события: привод в отделение милиции, допрос у майора, предупреждения и запреты. Претензии к подростку выразил вопрос: «А вы знаете, что стратегические объекты фотографировать и рисовать категорически запрещено?» [Осипов 2008: 194]. Это один из нескольких эпизодов, рассказанных автором в статье из его советской и постсоветской жизни. В заключительной части статьи автор вновь возвращается к случаю из своего личного опыта, с рассказа о котором начал (про рисунок водопровода), после чего следует авторский директив: «Не давайте спуска чиновникам. Добивайтесь ответа. Ответа на то, о чем спрашиваете» [Там же: 202].

Перед нами, конечно, нестандартный текст. Он наполнен эмоциями, широко использует нарратив, при этом минимально насыщен специальными лингвистическими терминами и рационально-логической аргументацией. Но проблема, которая ставится автором в статье, в результате представлена вполне реальной и требующей разрешения с участием лингвистов.

В целом, анализируемое явление в научном дискурсе отражает изменение в восприятии себя и своей деятельности современ-

ным ученым. Для лингвиста любые ситуации использования языка, в том числе ситуации межличностного, повседневного общения, пережитые им самим, становятся объектом профессиональной рефлексии. Ведь объекты изучения не существуют в реальном мире, они конструируются познающим сознанием для целей исследования. Таким образом, подобные «лирические отступления» в научном тексте полнее раскрывают особенности сознания и личности самого исследователя как главной фигуры научного познания, демонстрируют его умение мыслить самостоятельно, неординарно, творчески. Они фиксируют мысль исследователя (а затем – читателя) на самых привычных вещах и ситуациях.

Проведенный анализ показал, что современный исследователь-лингвист – не отрешенный от мира, погруженный в себя познающий субъект, а реальный, чувствующий, включенный в многообразные виды человеческой активности индивид. Он не «боится» апеллировать к обыденному знанию, к собственным ощущениям. Научное познание предстает как живой, реальный процесс, сопровождающийся разнообразными эмоциями (ср. название статьи: «<...> Где эмоция, там и когниция» [Демьянков 2002]).

Таким образом, современный научный текст может рассматриваться как вербализация сложных когнитивных процессов, в которых тесно переплетаются научные знания и представления с отрефлексированными результатами обыденного, повседневного, межличностного опыта исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М., 2001.

Ахметова Г.Д. Отзвуки войны в жизни и в книгах: повесть А. Рекемчука «Железное поле» в иноязычной аудитории // Русский язык в современном Китае: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., г. Хайлар, КНР, 11-12 апреля 2012 г. – Чита; Хайлар, 2012.

Георгиева С. К вопросу о фразеологизмах, связанных с эмоциями (на материале русского и болгарского языков) // Номинативная единица в семантическом, грамматическом и диахроническом

ческом аспектах: сб. науч. ст. к 80-летию А.М. Чепасовой. – Челябинск, 2006.

Голованова Е.И. Интимизация современной научной речи // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. участников Третьей междунар. науч. конф., Челябинск, Т.2. – Челябинск, 2007.

Голованова Е.И. Посвящение как жанр научного дискурса // Жанры речи: сб. науч. тр. Жанр и язык. – Саратов, 2009. – Вып. 6.

Демьянков В.З. и др. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция – там и когниция // С любовью к языку: сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.; Воронеж, 2002.

Земская Е.А. К вопросу о категории вежливости // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. к юбилею проф. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2005.

Золтан А. Древнерусское слово *корочунъ* и русский фразеологизм *карачун ему пришел* // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М., 2005.

Костючук Л.Я. Словарь, которого мы ждали и ждем // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. к юбилею проф. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2005.

Лазари А. де. «Советскость» и «русскость» в польской культурной запрограммированности (зарисовка вопроса) // Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс: сб. ст. участников междунар. науч. конф. Магнитогорск, 18-19 ноября 2005 г. – Магнитогорск, 2005.

Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. – Челябинск, 2008.

Осинов Б.И. Отвечайте на тот вопрос, который вам задают (об одном несчастливом жанре делового общения) // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде: сб. науч. тр. – Челябинск, 2009.

Питина С.А. Наивная картина мира и семейная этимология // Житниковские чтения (VIII; 2007): Информационные системы: гуманитарная парадигма: Материалы Всерос. науч. конф., Челябинск, 20-22 февраля 2007 г. – Челябинск, 2007.

Рут М.Э. Разве он уже не живой? Еще раз про литературный язык // Проблемы филологии в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. к юбилею проф. Л.А. Глинкиной. – Челябинск, 2005.

Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности: Словарь. – Шадринск, 2003.

Тимофеев В.П. Язык деловой личности // Русский язык для делового общения: коллект. монография. – Челябинск, 1996.

Шкатова Л.А. Письма из Польши: дружеский текст в межкультурной коммуникации // Россия – Польша: филологический и историко-культурный дискурс: сб. ст. участников междунар. науч. конф. Магнитогорск, 18-19 ноября 2005 г. – Магнитогорск, 2005.